

емственная связь свидетельствует и о росте, и о непрерывности интеллигентской традиции» (7, С. 296);

д) Интеллигенция не является чем-то единым: «ни центральное ядро интеллигенции, ни образованную среду, конечно, нет надобности представлять едиными. Первая так многообразна и сложна, как могут быть различны индивидуальности творчества или критики» (7, с. 3520);

ж) Понятия «интеллигенция» и «образованный класс» авторы развели лишь частично, определив их, как взаимозависимые и дополняющие друг друга. Представив их как «...отношения двух концентрических кругов. Интеллигенция – тесный внутренний круг: ей принадлежит инициатива и творчество. Большой круг «образованного слоя» является средой непосредственного воздействия интеллигенции. С расширением круга влияние изменяется и размер, и характер интеллигентского воздействия. Начавшись с индивидуального, личного, кружкового, эмоционального и непосредственного, влияние это становится литературным, коллективным, рациональным и научным... Районы действия отдельных мыслителей и кружков сокращаются и взаимно перекрещиваются» (7, с. 299).

-
1. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М. 1991.
  2. Интеллигент // Ожегов С.И. Словарь русского языка под ред. Н.Ю.Шведовой. – М. 1990.
  3. Интеллигенция // Философский словарь. Под ред. Фролова И.Г. Изд. 6, – М. 1991.
  4. Интеллигенция // ФЭС. Ред. кол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичев и др. 2-е изд. – М. 1989.
  5. Ленин В.И. ПСС, Т. 8. – М. 1965.
  6. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Раздумья о России – СПб. 1999.
  7. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. – М. 1991.
  8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М. 2001.
  9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. – М. 1991.
  10. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. – Смоленск. 2001.

ПАФОС И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ПЕРВОМ ОЧЕРКЕ М.А. БУЛГАКОВА «ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Меринов Валерий Юрьевич
Белгородский государственный Университет

Очерк М.А. Булгакова «Грядущие перспективы» считается первым опубликованным произведением Мастера. Общепринято рассматривать его пафос как некое предвидение трагического пути писателя. На самом деле, очерк полон оптимизма, а главный герой – доброволец, представляет собой сочетание идеальных положительных качеств.

Ключевые слова: очерк, вина, расплата, доброволец, Булгаков, Чудакова.

Bulgakovs essay «The coming perspectives» is the first published work of the famous writer. The fervor of this work is a prediction of the tragic author's life. In practice the essay is optimistic and the hero go with all positive qualities.

Key words: essay, guilt, payment, volunteer, Bulgakov, Chudakova

Общепринятой в булгаковедении точкой отсчёта М.А. Булгакова как писателя считается публикация очерка в газете «Грозный» 13 (26) ноября 1919 года под названием «Грядущие перспективы». Случилось это событие во Владикавказе. На Юг России будущий писатель был мобилизован деникинской армией предположительно в октябре в качестве военврача.

В свое время известный булгаковед М.О. Чудакова услышала в этом очерке «погибельные интонации»: «предчувствие ... долгого, губительного пути, ... предошущение будущего мотива бега...». (4, с. 96) Как это ни странно, но в своих выводах исследователь опиралась не столько на сам текст очерка, сколько на другие произведения Мастера, написанные им чуть позднее. Так, М.О. Чудакова попыталась обрисовать психологическое состояние «военврача Булгакова», исходя, в том числе, из содержания рассказа «Необыкновенные приключения доктора».

Действительно, в этом рассказе появляется герой, представленный в разных вариациях во всем дальнейшем творчестве писателя. Это некто фельдшер Голендрюк, иронично названный автором человеком умным: «Я всегда говорил, - пишет М.А. Булгаков - что фельдшер Голендрюк - умный человек. Сегодня ночью он пропал без вести. (...) я догадываюсь, что он находится на пути к своей заветной цели, именно на пути к железной дороге, на конце которой стоит городок. В городке его семейство» (1, с. 437).

Ирония заключена в синонимии понятий умный и предатель (Иуда). Мотивами трусливого исчезновения, бегства пронизано большинство произведений М.А. Булгакова 20-30-х годов. Можно даже сказать, что эти мотивы в определенной степени становятся их структурно-содержательным центром. Связано это, на наш взгляд, с той психологической травмой, какую пережил писатель после поражения Белого движения, цели и идеологию которого он, без сомнения, разделял. Для М.А. Булгакова крушение движения сопротивления было одновременно крушением его надежд и планов. Не случайно и мотив бега в одноименной пьесе Мастера звучит так трагически и так двусмысленно. Мотив губительного пути – «бега» как наказания в пьесе «Бег», связан не только с идеологическим и человеческим падением белой армии, но и с преступной моральной нечистоплотностью и прямым предательством тыла и штабов.

Но, рассказ «Необычные приключения доктора» написаны М.А. Булгаковым в 1922, а пьеса «Бег» еще позже, в 1926-1928 годы, а финалы дописывались и переписывались и в 1933, и в 1934, и в 1937 годах. Следовательно, далеко идущие выводы М.О. Чудаковой выглядят не вполне корректно потому, что произведения, приведенные исследователем в качестве подтверждения своих размышлений, родом из двух разных исторических времен и принадлежат разным эпохам в самом булгаковском творчестве.

В очерке, с симптоматичным названием «Грядущие перспективы» нет и следов разложения войск, и тем более, предсказания гибели всего Белого движения. Реальная военно-политическая обстановка начала ноября 1919

года никак не могла подвести молодого, энергичного автора к предчувствию, как говорит М.О. Чудакова, «долгого, гибельного пути». За время летней кампании 1919 года добровольцами были достигнуты большие успехи. Войска, следуя на плечах отступавшего противника, занимали огромные пространства. «Мы - вспоминает, в то время главнокомандующий ВСЮР (Вооружённые силы южной России – М.В.), генерал-лейтенант А.И. Деникин - отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали её хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армий. В подъеме, вызванном победами, в маневре и инерции поступательного движения была наша сила». (3, с. 17) Психологическую атмосферу этого лета передавала и в какой-то степени программировала знаменитая «московская» директива от главнокомандующего 20 июня. Она прямо ставила перед войсками ближайшую задачу «захват сердца России – Москвы» (3, с. 15).

В начале октября «...вооруженные силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии (примерно) Воронеж – Орел – Чернигов – Киев – Одесса. Этот фронт прикрывал освобождённый от советской власти район, заключавший 16-18 губерний и областей, пространством 810 тыс. кв. вёрст, с населением 42 млн» (3, с. 34). Даже в октябре-ноябре, когда советская группировка перешла в широкое контрнаступление, положение не выглядело таким уж безнадёжным. С одной стороны Белая армия почти повсеместно отступала, с другой, во-первых, отступление было хорошо организовано и не носило характер беспорядочного бегства, во-вторых, непрерывно маневрируя, добровольцы не раз одерживали успехи в кровавых боях. Маятник удачи мог качнуться в обратную сторону в любой момент.

Оптимистический пафос очерка очевидно подпитывался и личными творческими успехами. В эту осень и зиму 19/20 годов М.А. Булгаков начинает регулярно публиковаться. Об этом он напишет в письме двоюродному брату Константину Булгакову 1 февраля 1921 года: «Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах». (2, с. 39) То есть случилось то, о чём Булгаков мечтал ещё в Киеве (см. 2, с. 39).

Тем не менее, в начале очерка автор рисует довольно мрачную картину состояния страны, впавшей в «безумие» братоубийственной войны: «... наша несчастная Родина находится на самом дне ямы позора, бедствия, в которую её загнала «великая социальная революция ... (...)... Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть ... страна окровавленная, разрушенная...» (1, с. 438). Драматическое положение государства проявляется ещё резче на фоне стремительно поправляющегося и переходящего к созидательному труду Запада: «Колоссальные машины на колоссальных заводах лихорадочно день за днём, пожирая каменный уголь, гремят, стучат, льют струи расплавленного металла, куют, чинят, строят...» (1, с. 438).

Мы не найдём в статье глубокой психологической нюансировки характеров - она не предполагается ни жанром, ни темой. План изображения чрезвычайно укрупнен и психологическое содержание образов ограничено простейшими суммарными определениями. Персонажи были рассчитаны на мгновенное узнавание, и автор использовал общепринятые газетные клише. Руку будущего Мастера вряд ли можно отличить от языка среднестатистического журналиста, пользующимся вполне традиционными образными, фразеологическими, ассоциативными рядами представлений. В героях нет ничего индивидуального, затушеван даже социальный аспект, автором типизированы наиболее общие черты, человека определенного морально-психологического склада. Все герои разбиты на два противостоящих непримиримо-враждебных лагеря. Конструктивным принципом, вокруг которого строится образ, является его историческая функция. Такой же принцип построения характера Булгаков использует и в другом жанре, в пьесе «Сыновья муллы» (1921), а позже в 1926 году сам метод подобного создания героя будет спародирован им же в памфлете «про красных туземцев» и «белого арапа» «Багровый остров».

Какова же расстановка персонажей на политической сцене? По одну сторону разделяющей черты находились «негодяи». Это авантюристы-обманщики во главе с Троцким, непосредственные организаторы «безумия мартовских дней, ...(...)... дней октябрьских», «безумства двух последних лет», «развращения рабочих», чьей деятельностью были рождены многочисленные «самостийные изменники» (1, с. 440).

В эту группу входят и «одураченные безумцы», которые «за зловещей фигурой Троцкого ещё топчутся с оружием в руках...» (1, с. 439). Их вина в готовности быть обманутым, нравственной шаткости, нестойкости, что ловко используют «шарлатаны от революции».

По другую сторону барьера стояли «герои добровольцы (...) бестрепетно совершающие свой долг» (1, с. 439). В них типизированы наиболее общие черты патриота и защитника Отечества, резко выделены немногие, но решающие для судеб страны черты: любовь к родине, самоотверженность, мужество, готовность драться, если понадобится и умирать за Россию.. Именно с ними автор связывает и свои надежды.

Доброволец - это почти былинный богатырь, он сражается не за мелкие личные цели. Его борьба носит общегосударственный характер, а в метафизическом развороте обретает значение, свойственное эпическому конфликту, борьбы Царства Добра и Царства Зла, Правды и Кривды. Автор понимает, какая огромной сложности задача возложена на воинов – «завоевать, отнять свою собственную землю» (1, с. 439). В тоже время он уверен в том, что «страшный путь» и «смертная борьба» окончится, полной победой и освобождением всей территории государства от демонического антигероя, «ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла» (1, с. 439). Нет, родина не умерла и доброволец - это герой-освободитель, «державший в руках меч расплаты» (заметим, «расплата» категория очень важная во всем булгаковском творчестве). Это герой, чье

мужество позволяет автору довольно уверенно размышлять о «грядущих перспективах», несмотря на весь драматизм военной обстановки.

Особую подгруппу составляют те, кто «жмется сейчас по тыловым городам юга...» (1, с. 439). Они не герои, но и не предатели или трусы, а скорее благодушные несознательные сограждане «...в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдётся без них...» (1, с. 439). Это представители незадачливого поколения, при попустительстве, которых произошла социальная революция. К ним принадлежит и автор, впрочем, готовый «платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни» (1, с. 440). Как справедливо отмечает М.О. Чудакова «два понятия главенствовали в этой статье, при помощи их описывал автор недавнее прошлое настоящее и будущее – «безумие» и «плата» (4, с. 95). Однако в отличие от последующих произведений писателя, на которые ссылается литературовед, эти категории больше связаны с противником, а не со «своими».

В данном очерке авторская интонационная такова, что, условно говоря, легкомысленные герои не отделены от общего дела и вместе с «героями-добровольцами» составляют все еще сплоченную группу «Мы»: «А мы... Мы будем драться. Ибо нет никакой силы, которая могла бы изменить это. Мы будем завоевывать собственные столицы. И мы завоюем их. Англичане, помня, как мы покрывали поле кровавой рекой, били Германию, оттаскивая её от Парижа, дадут нам в долг ещё шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорее добраться до Москвы. И мы доберемся» (1, с. 439). И эта лояльность автора тоже психологически объяснима, осенью 1919 года ещё не пришло время искать виноватых в собственном стане (таких, каким позже станет, упомянутый М.О. Чудаковой фельдшер Голендюк). Все «негодяи», «безумцы» и «изменники» пока находятся по другую сторону фронта.

А.И. Деникин, перелистывая в 1926 году «чёрные страницы» белого движения скажет: «Поистине нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути» (3, с. 111). Но пока отдалённые раскаты ещё не услышаны многими, и пути их сходятся в дымных казино, кофейных и бильярдных залах тыловых городов. Осенью и сам М.А. Булгаков легкомысленно обнаружит свою причастность к т.н. «моральному разложению» фронта и тыла «кофейной армии», проигравшись в пух в Ростове. Это настроение беспечности и эгоизма через каких-нибудь 2-3 года подвергнется им же суровому осуждению и будет названо одной из главных причин поражения всего белого движения (роман «Белая гвардия»).

Возвращаясь к образу героя-добровольца, отметим, что он, также, связан с мотивом «вины», но только, отчасти, постольку, поскольку эта вина (как верно подметила М.О. Чудакова) общенациональная. Но не всем этого горького напитка отмерено поровну. Доброволец пьёт «чашу наказания», скорее отвечая за чужие грехи, зато прямых виновников русской смуты, а они без обвиняков перечислены в статье, ждёт чаша смерти. По мнению автора «расплата уже началась» и совсем недалёк день когда «негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены» (1, с. 440). Такая отчётливо выраженная авторская дифференциация воздаяния за грехи, по нашему

мнению, не даёт оснований к выводам сделанным М.О. Чудаковой. М.А. Булгаков действительно говорит о долгом и многотрудном пути своих героев-добровольцев, но не к гибели, а к очищению и возрождению. За их судьбой отчетливо проглядывает даль исторической перспективы новой, небольшевистской России. Поэтому изначально принятый автором тон скорби постепенно сменяется торжественно-приподнятыми интонациями воспевающими подвиги и мужество героев. А в финале скорбные мотивы и вовсе уступают место откровенному мажору.

-
1. Булгаков М.А. Грядущие перспективы // Булгаков М.А. Избранные произведения. – К.: Днипро, 1990.
  1. Булгаков М.А. Письма. Жизнеописание в документах. – М.: Современник, 1989.
  2. Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). – К.: Воениздат, 1990.
  3. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988.